

А.А.Бурькин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

**О происхождении вариантов притяжательного суффикса 3 лица
-ы/-и//-сы/-си в тюркских языках в свете истории местоимений
и притяжательных суффиксов в тунгусо-маньчжурских языках**

Опубликовано в кн.: Языки Евразии: этнокультурологический аспект. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 19-20 ноября 2003 г. Уфа, изд. «Восточный университет», 2003. С. 21-22.

Существование в тюркских языках двух вариантов (алломорфов) притяжательного суффикса 3 лица единственного и множественного числа - алломорфов *-ы/-и* (после основ на согласный) и алломорфов *-сы/-си* (после основ на гласный), которые явно восходят к общетюркскому состоянию, не имеет удовлетворительного объяснения. Проблема происхождения «вставочного *с*» не находит решения ни в истории фонологических изменений в конце слова, ни в именной морфологии тюркских языков. Соотнесение притяжательных суффиксов с тюркскими личными местоимениями, к которым почти во всех языках восходят эти суффиксы, дает нам лишь первый шаг для внутренней реконструкции, поскольку местоимения 3 лица *ол* 'он' и *олар* 'они' не соотносятся с местоимениями 1 и 2 лица и восходят к указательным местоимениям.

В тунгусо-маньчжурских, точнее, в тунгусских языках притяжательные суффиксы 3 лица единственного и множественного числа различаются (эвенкийск. 3 л. ед. ч. *-н/-ин*, мн.ч. *-тин* [орфографическое *-тын*], ульчск. 3 л. ед.ч. *-ни*, мн.ч. *-ти*, нанайск. 3 л. ед.ч. *-ни*, мн.ч. *-чи*). Данные суффиксы также не соотносятся с личными местоимениями 3 лица

ед. и мн числа (ср. эвенкийск. *нун*”ган, нанайск. *нёани* ‘он’ и эвенкийск. *нун*”гартын, нанайск. *нёанчи* ‘они’), так как последние являются собственно тунгусской инновацией. В маньчжурском языке притяжательных суффиксов нет, но маньчжурский язык сохранил архаическую систему личных местоимений 3 лица: ср. маньчж. *и* ‘он’, *чэ* ‘они’. Маньчжурское местоимение *и* ‘он’ однозначно лежит в основе тунгусских притяжательных суффиксов 3 лица ед. числа *-н/-ин//ни* и осложняется конечным *-н*, восходящим, очевидно, к показателю косвенного падежа: этим *-н* оформлены все притяжательные суффиксы множественного числа, соотносительные с местоимениями (ср. эвенк. 1 л. мн.ч. *-вун* (< *бу* ‘мы’), 2 л. мн.ч. *-сун* (< *су* ‘вы’), за исключением инновационной формы 1 л. мн.ч. инклюзива *-т* (ср. эвенк. *мит* ‘мы с тобой/с вами’). Суффикс *-и* как притяжательный прослеживается в тех формах, где имело место переразложение; ср. эвенкийск. *амиран-ин* и эвенск. *амрани-н* ‘его отчим’ (в эвенском слове элемент *-и* вошел в состав основы). Исходная тунгусская система притяжательных суффиксов 3 лица реконструируется как **-ы/-и* (ед.ч): **-ты/-ти* (мн.ч.) – большинство языков различают заднерядный и переднерядный гласные типа [и]. Маньчжурское местоимение *чэ* ‘они’ восходит к **ти*: палатализация *t > tʰ* для этого языка обычна, а два разнорядных **и*, совпавшие в переднерядном варианте, изменяются в гласный э весьма часто.

Маньчжурские личные местоимения *и* ‘он’ и *чэ* ‘они’ вместе с тунгусскими притяжательными суффиксами 3 лица **-ы/-и* (ед.ч): **-ты/-ти* (мн.ч.) дают ключ к решению проблемы “вставочного *с*” в тюркском притяжательном суффиксе 3 лица. Очевидно, его варианты *-сы/-си* по происхождению являются суффиксами множественного числа и восходят к соответствующему местоимению. Морфонологические и морфологические изменения конца слова в тюркских языках привели к позиционному

перераспределению суффиксов, различающихся по числу, и к утрате грамматической оппозиции по числу в притяжательных формах 3 лица. Отметим, что в якутском языке притяжательные суффиксы 3 лица имеют вид *-a/-э// -та/-тэ* (а не *** -ha/-hэ*, как ожидалось бы по соответствиям для общетюркского **с* в якутском), что может косвенно указывать на исходно иное качество “вставочного *с*” на уровне общетюркского состояния.